

СТРИЖИ

Сидят стрижи на проводах:
У них сегодня день отлета.
Соломой свежеею пропах
Горбатый ряд ржаных ометов.
Уже и ястреб начеку.
Столб в небеса стаканы поднял.
Гуляет пыль п большаку.
И дремлет августовский полдень.
Но громыхнул пастуший кнут,
Взлетела тысячная стая.
И я за нею вслед шагнул
И пожалел, что не летаю.

ЗАЦЕЛОВАНА СТРИЖАМИ

Зацелована стрижами.
Это счастье, а не грех!
Я люблю тебя, пожалуй,
Больше всех знакомых рек.
Я не просто твой приятель –
Мальчик пойменных лугов.
Я и вырос-то в объятых
Сухайлинских берегов.
Видел Сороть голубую,
Прыгал с берега в Ишим,
Ноги мыл в Тедженке буйной –
И всегда с надеждой жил,
Вот мы встретимся с тобою,
Прыгну в омут, не боясь,
И с души, и с тела смою,
Накопившуюся грязь.

Сухайла и знаменита
Неизвестностью своей.
Ни большой, ни малой битвы,
Не случилось на ней.
По лугам костер да клевер –
Места нет у нас врагу.
Здесь живут друзья на левом
И на правом берегу.
Есть в ней маленькая заводь,
Схоронилась в берега.
И луна в ней любит плавать,
Раздеваясь донага.

ВЕЗ Я ДЕВОК

Вез я девок с сенокоса,
Подорожники цвели,
И курлыкали колеса,
Словно в небе журавли.
От стрижиной карусели
Чуть кружилась голова.
Пахли девки свежим сеном,
Пахла девками трава.
Васильки у девок в косах,
И мучительный вопрос:
Почему же ты, Алешка,
Очень медленно растешь?

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Любить в деревне было некого,
А может, я и не дорос,
Когда тебя библиотекарем
Райком направил в наш колхоз.
Еще тургеневскою Асей
Я был по-детски покорен,
Пока ты не сказала: «Здравствуй!»
И не спросила: «Что берем?».
О, я впервые видел чудо!
Я не забуду этот миг.
Я красотою был напуган
И убежал домой без книг.
Весною осень задыхала.
А тучи в небе разошлись.
И быть чудесной обещала
Почти не начатая жизнь.

ШМЕЛЬ

Залетел в мою форточку шмель,
И наполнилась гулом квартира.
Сад от цвета вишневого бел.
И чего там шмелю не хватило?
Облетел в моей спальне углы,
Походил по цветам на обоях
И тоскливо-тоскливо завыл:
Захотелось обратно на волю.
Были стекла как воздух чисты,
И стучали по стеклышкам крылья.
Я успел его крылья спасти:
Просто настезь окошки открыл я.
Растревожил он душу мою,
Захотелось душе прогуляться,
И шепнувши «спасибо» шмелю,
Улыбнулся – и стал одеваться.

ЗАМОК

Я вставляю в цепочку сурепку,
Что растет возле самой двери.
И замок получился некрепкий,
Но, попробуй, ключи подбери.
Пожимают соседи плечами
Перед дверью, закрытой цветком:
«Мы такого замка не встречали,
Но мечтали всегда о таком».
И уходят спокойно соседки
На поклоны в родной огород.
А пчела, разместясь на сурепке,
Что-то с песней для меда берет.

ТОПОЛЕК

Асфальт росточком продырявив,
Зеленый тополек стоит,
Отвоевал малышка право
Среди других под солнцем быть.
А я, живущий как в забеге,
Однажды улицей пойду,
И вдруг, споткнувшись о побеги,
Под чей-то хохот упаду.
Но, поласкав свои ушибы,
Рад буду ссадине своей:
Ведь я споткнулся о вершины
Пирамидальных тополей.

ТЕНИ

Июньским утром тень длинна
И мне с моей горбатой клюшкой,
Шагать, наверное, полдня
До собственной моей макушки.
Идти сегодня далеко.
Я тороплюсь, а тень чуть больше.
Она уже вон за рекой,
А мне еще снимать калоши.
А пастуху потяжелей,
Он полон праведного гнева:
Еще морозы на меже,
А тени бродят по посеву.
Но в полдень, тень свою догнав,
Я почешу себе макушку.
А кнут пастуший, как удав,
Свернувшись, тень свою удушит.

Я СНИМАЮ ТЮЛЕВЫЕ ШТОРЫ

Я снимаю тюлевые шторы,
Ночью заморозило окно.
И меня прохожим сквозь узоры
С улицы не видно все равно.
Я же, любопытный как мальчишка,
Губы теплой трубочкой сложу,
Продышу отверстие в ледышках
И за переулком послезу.
Ну, а скоро, даже очень скоро,
Зацветет сиреневая ветвь.
И зачем нам тюлевые шторы?
Дайте друг на друга посмотреть.

НОВОГОДНЯЯ БЕРЕЗА

Ах, какая несерьезность!
Кто так дерзко пошутил?
И растущую березу
Словно елку нарядил.
С рыжих веточек березы,
Души людям веселя,
Улыбаются прохожим
Крохи-лампочки гирлянд.
Новогодняя береза?!
Да растущая еще...
Ох, как это несерьезно!
Ах, как это хорошо!

ПЕНСИОННЫЕ ТОСТЫ

Оттого, что тьма недугов,
Стало мне нехорошо.
Я гармонь поставил в угол.
И совсем в тоску ушел.
Вышел даже на аллею,
Чтоб знакомым рассказать,
Как красиво я болею,
Как готовлюсь умирать.
Но армейский мой товарищ,
Пожимая мне ладонь,
Не спросил: «Как умираешь?»,
А спросил: «А где ж гармонь?».
Прекратил с болезнью ругань,
Взял гармошку, вышел в сад.
Надо мной веселым кругом
Комары пошли плясать.
Распахнул сосед калитку
И спросил, с чего пою.
«Десять лет радикулиту
Отмечаю», – говорю.
Понимающе покашлял,
Улыбнувшись, пробасил:
«Ну, тогда – готовь рюмашки,
Я сгоняю в магазин».
И клялись, допив остаток,
Пусть за пьяниц не сочтут:
«Завтра выпьем за простату,
Если пенсию дадут».

ГАЛКИ

Петухи, бывало, пели,
Нынче что-то не слышать.
В небе галочки артели
Спозаранок голоса.
Галкам с голода не спится,
И, когда они летят,
Словно грустные страницы,
Крылья в небе шелестят.
На душе немного тошно,
И на улице темно.
Со стола сметаю крошки:
Брошу галкам за окно.

НЕТ, МНЕ НЕ ВЕДОМО

Нет, мне не ведомо,
Чем вьюга лечится,
А вьюга бедная
От боли мечется.
Я не могу уснуть:
Седая странница
Все к моему окну
Руками тянется.
Мне тяжело стоять
Над вьюгой стонущей,
А ей опять стонать
Всю ночь без помощи.
Ведь мне неведомо,
Чем вьюга лечится,
А вьюга бедная
От боли мечется.

ГОНОРАР

Мороз на улице свиреп,
Снежок скрипит.
И я сегодня черствый хлеб
Купил для птиц.
В своем саду устроил пир
И мзду не брал.
Я хлеб и семечки купил
На гонорар.
Прекрасен творческий наш труд:
Без всяких норм
Еще и денежки дают
На птичий корм.

НАЗНАЧЕНИЕ

Работать в космосе кому-то,
А назначение мое:
Ходить по саду рано утром,
Кормить синиц и воробьев.
Терплю и снег за голенищем,
И иней за воротником,
Хожу по саду, превратившись,
В большой, скрипучий снежный ком.
Но до чего же мне приятно,
Когда, кормушку посетив,
Мне воробьишко, как приятель,
Чирикнет радостное: «Жив!».

ПЕРЕПЕЛКА

Возле самого двора,
Нежно, как ребенка,
«Спать-пора. Спать-пора!», –
Просит перепелка.
Лейки потные стоят
Над ботвой моркови,
И подойники гремят
Из-под брюх коровьих.
Хоть не гнут еще к земле
Кустик мяты росы,
Все ж уснуть придется мне:
Перепелка просит.

МАЛЬЧИК ПОЙМЕННЫХ ЛУГОВ

Воспоминания сына

Жарким августовским летом 1941 года крестьянка из деревни Новая Слободка, что в Мелеузовском районе на берегу Сухайлы, Федора Смирнова, носившая под сердцем пятого ребенка, провожала на фронт своего мужа Якова. За мужиков в доме оставались одиннадцатилетний Иван и девятилетний Николай, помогавшие растить младших – Женьку и Витьку.

Спустя три месяца краснофлотец 12-й отдельной бригады морской пехоты Северного флота Яков Смирнов узнал, что 4 ноября 1941 года вдали от Заполярья, в родной Башкирии, у него родился сын Алешка – мой будущий отец Алексей Яковлевич Смирнов. В ночь на 28 апреля 1942 года Яков Смирнов в составе демонстративного морского десанта высадился в районе города Петсамо. В течение двух недель удерживали «морпехи» небольшой плацдарм, отражая в день до десяти атак превосходящих сил гитлеровцев. Благодаря действиям десанта было сорвано наступление противника на Мурманск.

Во время этих боев краснофлотец Смирнов получил тяжелое ранение. После долгих месяцев госпиталей вернулся он на костылях в свою родную деревню, где заново учился ходить вместе с младшим сыном Алешкой, впервые вставшим на ноги. Вскоре бюро Мелеузовского райкома партии рекомендовало беспартийного морпеха-фронтовика на должность председателя колхоза.

Лето 1943 года выдалось в Башкирии неурожайным. Зима обещала быть голодной. А в деревне – старики да бабы с малолетними ребятишками. И тогда председатель принимает решение: раздав по избам зерно из колхозного амбара «для просушки», негласно разрешил молотить его и выпекать хлеб. Принимая такое решение, вчерашний фронтовик рисковал очень многим. Ведь в те времена за горсть колосьев, унесенных с поля, можно было схлопотать приличный срок «за хищение колхозной собственности». Но все обошлось. В ту зиму ни один человек в деревне не умер от голода. А весной на деньги, вырученные от продажи семечек на базаре в райцентре, удалось возместить недостающее зерно.

Не очень баловала Родина своих защитников в первый год войны наградами. Не получил Яков Гаврилович Смирнов даже положенную ему медаль «За оборону Советского Заполярья». В победном сорок пятом вместе с медалью «За победу над Германией» ему вручили и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной

войне». Эту же награду за самоотверженную работу в тылу получили его жена Федора Андреевна и старший сын Иван, которому в конце войны исполнилось пятнадцать лет. В феврале сорок шестого в семье Смирновых родился младший сын – Михаил.

Ничто в биографии сына Якова Гавриловича и Федоры Андреевны Смирновых Алексея не предвещало того, что он станет писать стихи и рассказы. Наоборот, с шести лет он начал ходить с отцом на охоту. Хотя «ходить» – это слишком громко сказано. После долгих слез и уговоров мать, не выдерживая, заворачивала мальчишку в большой платок, сажала в сани и говорила отцу: «Вези его куда хочешь». Так начинался его «стаж» охотника, тогда же зародилась любовь к охоте, которая с годами не угасла. Ну, а чуть позже родилась страсть к сочинительству.

Окончив семь классов, Алексей по направлению от совхоза едет в Салават, считавшийся тогда молодежной стройкой Башкирии, где в стенах строительного училища №12 осваивает профессию каменщика, затем работает по специальности в Сухайлинском отделении Ашкардарского совхоза.

Осенью 1961 года, Алексей получил повестку из военкомата. Срочную службу проходил в Туркестанском военном округе, в песках Туркмении, недалеко от того места, где в сентябре 1918 года были расстреляны 26 бакинских комиссаров. В сентябре 1963 года окружная газета «Фрунзевец» в праздничном материале, посвященном Дню танкиста, писала об умелых действиях на тактических учениях танкового экипажа Алексея Смирнова, за которые он был поощрен краткосрочным отпуском. В то время отпуск для солдат и сержантов срочной службы еще не был обязательным, и его надо было заслужить. Тем не менее, по окончании службы в карточке поощрений старшего сержанта Смирнова была всего одна запись: благодарность от старшины роты «за отличное содержание прикроватной тумбочки», что впоследствии послужило сюжетом для одного из рассказов.

Вернувшись осенью 1964 года из армии, Алексей до Нового года помогал своему отцу выполнять план по заготовке пушнины, а после ушел в город, где многие годы работал на предприятиях Салавата. Большая часть его трудовой биографии связана с производственным объединением «Салаватстекло», откуда он и ушел в 2000 году на заслуженный отдых.

9 апреля 1965 года в салаватской городской газете «Ленинский путь» («Выбор») было впервые опубликовано лирическое стихотворение Алексея Смирнова «Оттепель». Способного автора заметили, приняли в литобъединение «Парус». Кроме «Ленинского пути» («Выбора») его рассказы и стихи публиковались в журналах «Воин России», «Охота и охотничье хозяйство», «Бельские просторы»; республиканских газетах «Советская Башкирия», «Ленинец», заводской газете «Салаватское стекло»; коллективном сборнике «Остаемся с тобой, Салават»; не раз звучали в авторском исполнении по Башкирскому республиканскому радио и телевидению.

Среди заводчан Алексей Яковлевич был известен и как любитель пошутить. Сам – заядлый охотник и рыбак, а им всегда есть о чем порассказать. И вот приходит как-то и говорит: в таком-то водоеме замерзли утки. Можно достать, если насадить на топор двухметровое топориче, разрубив вокруг уток лед.

В другой раз сказал, что в Мелеузе решили перенести кладбище, и за каждый выкопанный гроб обещают хорошую плату. Все это было рассказано настолько убедительно, что некоторые клюнули и в обоих случаях приготовили соответствующий инструмент.

Темы своих рассказов отец черпал большей частью на природе. Он любил поле, которое исхожено им вдоль и поперек. Редко когда возвращался с охоты без трофеев. Любил наблюдать за поведением животных, их жизнью. Однажды сфотографировал на середине озера гнездо коршуна с птенцами. Редкая удача даже для профессионала.

Но ему, как любителю, трудно было добиться качества снимка. Поэтому и хранит его лишь в семейном альбоме, не имея возможности опубликовать. Был целый цикл рассказов «Отпуск в январе» (число рассказов по количеству дней в отпуске), где он описывал свои охотничьи впечатления, байки, переплетенные с реальностью. Эти рассказы вы прочтете с большим удовольствием, хотя в них нет интердевочек, грабителей и убийц; ловкие руки не опустошают сейфы банков, а машины с «мигалкой» не летят в ошалелой погоне. Они написаны с доброй лукавинкой, с юмором, с отличным знанием деревенской жизни. Той жизни, которой не затмят никакие модные явления. Самобытные, в чем-то чудаковатые, в чем-то пройдошистые, в чем-то наивно-добродушные люди живут как все мы, радуясь, мучаясь, надеясь на лучшее.

Поворотным моментом в творчестве отца стало сотрудничество с литературно-художественным журналом «Бельские просторы». Стихи, присланные им в редакцию, сразу же привлекли пристальное внимание всей редакционной коллегии. И мнение редакции о необходимости немедленной публикации было единодушным. Подборка отцовских стихотворений под общим названием «От имени цветов и трав» вышла в апрельском номере журнала «Бельские просторы» за 2003 год. Впоследствии, при подведении итогов года, эта поэтическая подборка была признана лучшей за весь 2003 год, а отец стал лауреатом премии журнала «Бельские просторы» в номинации «Поэзия». С тех пор поэзия Алексея Смирнова публиковалась на страницах «Бельских просторов» ежегодно. Далеко не все признанные и маститые писатели и поэты нашей республики могли похвастаться такой регулярностью публикаций на его страницах.

В июле 2009 года в журнале «Воин России» была напечатана подборка отцовских стихов под названием «Детство, опаленное войной».

В сентябре 2009 года, по рекомендации редколлегии журнала «Бельские просторы», при содействии отцовского односельчанина, предпринимателя Геннадия Ивановича Чернова, наконец, увидел свет его отдельный поэтический сборник «От имени цветов и трав», в который вошли полторы сотни стихотворений. Презентация книги прошла в стенах Салаватского городского историко-краеведческого музея и транслировалась по местному телевидению.

Готовилась подборка для издания нового сборника. Но внезапная тяжелая болезнь нарушила все планы. Несмотря на тяжелый неизлечимый недуг, отец еще находил в себе силы сохранять присущее ему чувство юмора.

9 апреля 2010 года отца не стало. Свой земной путь он завершил в дни пасхальной недели. Последней просьбой отца было: похоронить его на малой родине в Новой Слободке рядом с могилами родителей и старших братьев. Проститься с ним в эти дни приходило большое количество людей, знакомых и незнакомых, кого творчество отца не оставило равнодушными. На пути следования от Салавата к Новой Слободке траурный кортеж несколько раз делал остановки в близлежащих деревнях, воспетых в его стихах, давая их жителям возможность проститься со своим знаменитым земляком. Деревенский погост на окраине Новой Слободки находится на месте, которое называется Красной Горой. Здесь и обрел свой последний покой отец под сводами когда-то посаженных им березок в тот день, когда православные отмечали праздник Красной горки.

Хочется надеяться, что настоящее признание таланта Алексея Яковлевича Смирнова впереди и что, возможно, его имя еще займет достойное место в нашей литературе.

*Евгений Смирнов,
член Союза журналистов РБ и РФ,
ветеран боевых действий на Северном Кавказе*